

Татьяна НАЗАРЕНКО: «Все мои чудовища – реальные»

Вер. Клуб - 2004 - 24 июня - с 4,5

В России люди ее профессии не популярны. Даже очень талантливые. Будь по-другому, давно бы по известности она стояла выше иных теледив. Красота Татьяны Назаренко неповторима, а с годами лицо становится еще более выразительным. Все же телевидение ее заметило. Недавно она участвовала в программе «К барьеру», заседала в жюри. Сразу стала узнаваемой. Регалий у Назаренко более чем достаточно: лауреат Государственной премии, действительный член Академии художеств, член президиума академии. Ее картины – в самых престижных музеях Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Берлина, в нашей Третьяковке, Русском музее... А сколько в частных коллекциях – не счесть.

– Ты готовишь новые работы для выставки. Как рождаются сюжеты?

– Все сюжеты от Бога. Заранее ничего не придумываю, делаю то, что внутри меня. Иногда это получается мучительно.

– Определи свой стиль?

– Я большая реалистка. Даже чудовища у меня реальные. Потому что нет ничего более страшного и уродливого, чем наша жизнь.

– Твои первые детские воспоминания?

– Мне казалось, что бабушка, взяв меня на руки, спешит уйти от бомбежки, хотя, конечно, в это время никакой бомбежки в Москве не было. Я была тогда, кажется, двухлетней. Впечатления от разговоров о войне переросли в

детский навязчивый страх, потому что о внезапных бомбардировках взрослые говорили до конца войны.

– Впечатлительные дети любят рисовать...

– Рисовала всегда, но, к сожалению, рисунки не сохранились. Бабушка говорит, что это были не обычные детские каляки-маляки. Пользу они принесли – в конце сороковых пошли на растопку. Остался один рисунок с кошечками и цветами. А вообще я была угловатой, застенчивой, нескладной. Мама всегда боялась, что я никогда не выйду замуж, поэтому мне давали такое воспитание: танцы, музыка, рисование... А потом неожиданно, без специальной подготовки, сдала экзамены в среднюю

художественную школу при институте имени Сурикова. Потом поступила в Суриковский. В 1969-м, окончив институт с отличием, попала в мастерскую Академии художеств.

– Сравни себя сегодняшнюю и ту – в 70-х. Что бы хотела вернуть из прошлого? Может, жажду жизни?

– Ничего! Я и так полна жажды жизни. Ощущаю себя лет на 30, даже на 25!

– Твой самый большой страх?

– Я не пораженец по натуре. Что бы ни происходило, страха не испытываю. Может быть, единственное, чего боюсь, – попасть в пробки на дороге, чтобы в меня не врезался «чайник».

– Кто тебе близок из художников?

– Все понемногу, но в институте мне, реалисту, нравились запрещенные тогда абстракционисты, экспрессионисты, импрессионисты. Это уже была потребность – слышать музыку в разных по стилю работах. Совсем молодой попала на стажировку в Италию, впечатлением от раннего Возрождения была просто раздавлена. Босх, Джотто, Боттичелли... Это вершины мировой живописи. А из россиян – Попков и Иконов.

– Какие качества ценишь в людях?

– Надежность. Юмор, основанный на мудрости. Веру в себя!

– Что любишь больше всего?

– Всевозможные приключения в путешествиях, неожиданные компа-

нии. Люблю с друзьями пропустить по рюмочке.

– **Хобби?**

– Ответ выше – это и есть хобби.

– **Любимый аромат.**

– Запах шпаклевки, красок, дерева.

– **Твое понимание счастья?**

– Преодолеть то, что еще не сделала, – слетать на дельтаплане, прыгнуть с парашютом.

– **Как ты себе представляешь Рай?**

– Рай представить невозможно. Мне еще слишком мало лет, чтобы задумываться об этом!

– **Вот мы с тобой разговариваем на кухне – ты много времени здесь проводишь? Любишь готовить?**

– Я не приучена к приходящим кухаркам, поэтому могу быстро приготовить обед. Кулинарию как вид искусства очень признаю. Правда, сама обычно дальше отбивной с луком и картошкой не иду. Люблю еще засаливать норвежскую семгу – опускаю кусок рыбы в рассол, соль и сахар, ровно на три часа, – и к столу. Консервирую огурцы с чесноком, помидоры, кабачки. Радуюсь, когда мое производство оценивают гости. А по большим праздникам могу испечь торт «Наполеон» по бабушкиному рецепту: семь коржей прокладываются заварным кремом – и под груз на полтора-два дня.

– **Тебе много советовали в жизни?**

– Советы я никогда не любила и сама стараюсь их никому не давать, потому что у каждого свое понимание жизни. Тем более, в искусстве давать советы смешно. А в быту... У меня была очень мудрая бабушка. Она мне многое советовала, но... замуж я вышла вопреки. «Если ты за него вый-

дешь, я умру», – так она отреагировала, узнав моего первого жениха. А потом махнула рукой: «Делай, что хочешь – не умру».

– **Второй муж ей, кажется, понравился?**

– Да, бабушка любила красивых и деловых мужчин. Саша имел свой бизнес и очень помогал мне в работе – оформлял, продавал картины. Это он выпилил толстые фанерные контуры для «Перехода». А когда мы с Сашей расстались, я научилась выпиливать сама.

– **Что по-твоему любовь? Привычка, внутреннее движение, болезнь?**

– Нет, нет! Что такое любовь, я не знаю. Пожалуй, это пристрастие к одному человеку. Я любила и первого, и второго мужа, и не понимаю, как можно жить с кем-то без любви. По расчету я ничего не делаю, всего достигла своими силами. И кооперативную квартиру купила за проданные в Америке картины, и вторую мастерскую – с видом на Кремль, и в Академию меня приняли не сразу, с третьего захода, когда уже Церетели ввел открытое голосование. Я совершенно независимый человек.

– **Не хотелось написать воспоминания, типа «художник без красок»?**

– У меня плохая память на главное и на детали. Я и хороший анекдот послушаю, посмеюсь и забываю. Так и по жизни. Помню только очень теплые романтические истории. И только благодаря сердцу – в нем остается приятный осколочек.

Встречался
Анатолий МЕЛИХОВ
Фото автора

С сыном Сашей.